

А.И. Криворучко

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Рассматриваются проблемы интерпретации и классификации юридических и правовых текстов, также приводится обзор источников по данным проблемам отечественных и зарубежных ученых. Предпринимается попытка изучения переводческих проблем в юридическом дискурсе с позиции субъективности личности переводчика. Вводится переводческое понятие «вектор творчества».

Ключевые слова: юридический и правовой тексты, интерпретация, юридический перевод, субъективность, творчество.

Проблема классификации юридических текстов является предметом анализа нескольких направлений научных исследований: лингвистики текста, юрислингвистики, переводоведения, теории межкультурной коммуникации, теории дискурса, теории языков для специальных целей (ЯСЦ) и др. Структурирование и изучение функционирования языка в различных коммуникативных средах неизбежно сталкиваются с необходимостью интерпретации предметно-категориального аппарата. Юридический текст требует осмысления своего языкового и правового содержания, т.е. толкования «собственно языковыми закономерностями и законами, имеющими во многом стихийно-естественную и непосредственно-отражательную природу» [1, с. 11].

Попытаемся обозначить специфику понятия «юридический текст» и выявить проблемы, возникающие в процессе классификации данного типа текстов, а также в процессе их перекодирования на иностранный язык. В данной ситуации перевод представляется нам как механизм, акцентирующий стихийность, индивидуальность и субъективность как самой природы юридического текста, так и всего переводческого процесса.

Изучение работ в сфере юрислингвистики показало следующее: отсутствует разграничение понятий «юридический текст» и «правовой текст»; не существует единства мнений определения их специфики; авторами выдвигаются различные основания классификации текстов. Процесс упорядочивания юридических текстов осуществляется по следующим характеристикам: с позиций принадлежности к функциональным стилям (Р.С. Харина, Л.П. Широкова); с позиций прескриптивного/дескриптивного характера текста (С. Шарчевич); с позиций принадлежности к функциональным структурам права (Я. Эриксен); с позиций устной или письменной формы фиксации речи (Е.Е. Шпаковская).

В толковании термина «юридический текст» можно выделить следующие характерные черты: конфликтогенный характер содержания текста (Н.Д. Голев); специфический синтез языковых особенностей лексического, морфологического и синтаксического уровней (Л.П. Широбокова); познавательность и предписываемость выполняемых функций (К.М. Левитан); жизненную форму выражения права (Е.С. Шугрина); точку пересечения интересов лингвистов и юристов (Е.Е. Шпаковская), и некоторые другие.

Относительно термина «правовой текст» предлагаются следующие трактовки: «...правовые тексты – тексты о текстах, или *метатексты*» [2]. Таким образом, подчеркивается вторичность по отношению ко всей совокупности первичных правовых текстов, – *интертекста*.

Важную мысль в аспекте интерпретации приводит С.С. Кравченко: «Для того чтобы адекватно и правильно интерпретировать правовой текст, необходимо знать и историю его возникновения, и предвидеть возможные результаты его применения, учитывая доминирующие требования, нравственные и политические теории, состояние и движение общественного мнения данного исторического периода» [3]. Не вызывает сомнений, что учет макроконтекста действительно крайне актуален в этом отношении.

Для нашего исследования важна и другая мысль: «Правовой дискурс – это текст права в динамике, в процессе толкования и разъяснения» [4, с. 55]. На наш взгляд, именно в силу динамики и субъективности процесса текстоприятия, с одной стороны, и многозначности интерпретаций лингвоправовых явлений, с другой стороны, толкование понятий «юридический текст» и «правовой текст» отличается разнообразием. Объяснение этому находим в работе вышеупомянутого С.С. Кравченко: «...концепция интерпретация правовых текстов не может быть статичной», ведь «цель и направление дискуссий состоят в том, чтобы переформулировать имеющийся правовой опыт, в частности, найти способы определения критериев, принципов и методов интерпретации правовых текстов» [5, с. 8].

Интересным представляется отметить работу «Юридическая герменевтика и правопонимание» (1997) И.П. Малиновой. Автором интерпретируются такие правовые термины, как правовой менталитет, культурные коды правосознания, правовая реальность, и другие. Приведем примеры толкования некоторых из них, представляющие потенциальный интерес для нашего исследования. Под *правовым менталитетом* подразумевается «культурно-уникальная конструкция смысловых ориентиров, условностей, склонностей, предвзятостей, установок, стандартных мотивационных моделей и оценочных схем, лежащих в основе понимания правовых текстов (в широком значении понятия «текст»)» [6]; «*культурные коды*» осмысливаются автором механизмами, «задающими фундаментальные правила объективации человеческого содержания в предметных формах права», и другие. Актуальность

данных вопросов обуславливается, на наш взгляд, стремлением изучить и описать реалии правовой культуры, характеристики правосознания в целом, проблемы толкования права и т.п.

Переходим к проблеме классификации юридических текстов. В связи с тем, что, как было упомянуто выше, в отечественной лингвистике отсутствует их четкое разграничение, мы обратились к трудам франкоязычных ученых, занимающихся данной проблемой. Специфика юридического текста обсуждается в работах Sylvie Monjean-Decaudin, C. Bosquet, J. Pelage, M. Guidère, M. Moreau, R. Sacco, M. Goré, E. Nasufi, E. Gishti, Michel Politis, Maria Canellopoulou-Botti.

С нашей точки зрения, наибольший интерес представляют классификации, предложенные М. Politis, М. Canellopoulou-Botti, а также Claude Bosquet, Sylvie Monjean-Decaudin. Рассмотрим их подробнее:

1) классификация М. Politis, М. Canellopoulou-Botti:

– *des textes contenant des règles de droit (traités, constitution, lois, décrets)* [7] – тексты, содержащие правовые нормы (соглашения, конституции, законы, постановления (перевод наш. – А.К.);

– *des textes pris en application des règles de droit comme les actes de l'administration <...>, des tribunaux, etc.* [7] – тексты, содержащие правоприменительную информацию, такие как административные постановления <...>, судебные постановления и т.д. (перевод наш. – А.К.);

– *tout texte produisant ou pouvant produire des effets juridiques comme les contrats, les testaments, mais aussi les dépositions des témoins <...> ou tout autre document qui pourrait s'insérer dans le dossier d'une affaire pénale, civile ou administrative* [7] – любой текст, имеющий юридические последствия, такие как договора, завещания, так же, как и свидетельские показания <...> или любой другой документ, причастный к уголовно-исполнительному, гражданскому или административному праву (перевод наш. – А.К.);

– *des textes de doctrine* [7] – правоистолковывающие тексты или тексты доктринального характера (перевод наш. – А.К.);

– *des textes de vulgarisation des notions juridiques et des articles de quotidiens ou revues traitant des questions juridiques <...>* [7] – тексты, популяризирующие юридическую информацию, а также статьи юридического характера ежедневных изданий и журналов (перевод наш. – А.К.);

2) классификация Claude Bosquet, с уточнениями Sylvie Monjean-Decaudin:

– *<...> les textes normatifs, les textes des décisions qui appliquent ces normes et enfin les textes qui exposent le contenu des règles de droit <...>* [8, p.10]; «а) право-нормативные тексты, б) тексты как результат постановлений, апеллирующих этими нормами, в) тексты правоистолковывающего содержания» (перевод наш. – А.К.); уточнение Sylvie Monjean-Decaudin:

– *Cela l'amène à distinguer trois types de discours qui font l'objet de la traduction juridique: le discours du législateur, celui du juge et celui de la doctrine* [9] – «Это разделение приводит к идее различения трех типов дискурса, являющихся объектом юридического перевода: а) дискурс законодателя, б) судебный дискурс, в) правоинтерпретирующий дискурс» (перевод наш. – А.К.).

Подчеркнем, что классификация юридических текстов представляется нам необходимой для решения не только лингвистических, но и переводческих задач. В качестве исходного мы принимаем положение, сформулированное Е. Nasufi, Е. Gishti в статье «*Quelques obstacles à la traduction des textes de droit*»:

<...> le traducteur doit maîtriser non seulement les éléments du contexte linguistiques, mais encore ceux de l'ordre extralinguistique. Ceux-ci peuvent poser des problèmes pendant la phase de la réception du texte par le traducteur, mais il reste encore à exprimer les idées reçues dans la langue d'arrivée [10, p. 147]. – «... переводчик должен в совершенстве владеть не только языком перевода, но и обладать внеязыковой компетентностью. Экстралингвистические факторы могут затруднить процесс восприятия текста переводчиком, в то время как смыслы текста перевода должны быть верно выражены» (перевод наш. – А.К.).

Автор формулирует также сверхзадачу переводчика в юридическом тексте и дискурсе: *<...> il faut faire un effort de créativité pour donner la forme définitive au produit en langue d'arrivée*» [10, p. 147]. – «<...> необходимо **выбрать вектор творчества** переводческого алгоритма для достижения смысловой и формальной завершенности текста перевода как продукта языка перевода» (перевод наш. – А.К.).

С вышецитируемым автором соглашается Elzbieta Skibińska: *<...>des voix qui soulignent et valorisent l'aspect créateur du travail du traducteur se laissent entendre de plus en plus souvent parmi les traductologues* [11] – «...переводоведы все чаще акцентируют и подчеркивают ценность творческого начала в работе переводчика» (перевод наш. – А.К.).

Именно в творческом начале мы усматриваем залог успешного, а значит, гармоничного переводческого решения. В свою очередь, «творчество для переводчика – это значит каждый раз свой собственный личностный вариант в переводческой ситуации для выражения неизменного содержания текста-высказывания» [12, с. 140–141]. Подчеркнем, что направление субъективности и творчества в современном переводоведении пока недостаточно изучено, что может стать обоснованием актуальности предпринятого исследования.

Остановившись более подробно на понятии «вектор творчества», поясним, что в нем мы усматриваем проявление субъективности участников, во-

влеченных в коммуникативное пространство, в данном случае – в акт межъязыковой и межличностной коммуникации пространства правового дискурса. В данной ситуации субъективность выражается и со стороны отправителя текста (юриста-профессионала), и со стороны переводчика, являющегося одновременно и получателем, и отправителем текста перевода, и со стороны реципиента – представителя принимающей культуры. Вследствие этого переводчик юридического текста, с одной стороны, ограниченный стандартизованностью и абстрактностью юридического языка, с другой стороны, вынужденный «реконструировать» все глубинные смыслы и коннотации исходного текста и создать качественный текст на языке перевода, не может ограничиться достижением лишь адекватности и эквивалентности перевода. Он должен индивидуализированно и субъективно (а значит, творчески!), во-первых, воспринять и осмыслить исходный смысл текста, а во-вторых, создавать гармоничный текст для принимающей культуры.

Заметим, что под юридическим текстом как продуктом деятельности переводчика мы подразумеваем *текст, отображающий высшую степень профессионализма, компетентности и пристрастности переводчика в манере осмысления, изложения и субъективности мысли как отправителя текста, так и своей собственной.*

Выше в нашей статье был также упомянут термин «переводческий алгоритм». Считаю необходимым пояснить его. На наш взгляд, перевод осуществляется в несколько этапов: на первом, выступая в качестве получателя исходного текста, переводчик активизирует свою языковую, стилистическую, риторическую и энциклопедическую компетенции. Как справедливо подчеркивает Elzbieta Skibińska, в этом отношении переводчик осуществляет *<...> la lecture qui <...> du fait du caractère individuel de sa culture générale, du travail particulier de son imagination, de sa «coopération interprétative» avec l'auteur <...>* [11] – «прочтение <...> отличительное субъективными особенностями уровня его общей образованности, особенного рода работы его воображения, его «сотрудничества с манерой толкования» автора <...>» (перевод наш. – А.К.).

Задачу второго этапа вышеупомянутый автор обозначает следующим образом: *<...> Faire comprendre, c'est créer un nouveau texte, texte dans la langue du receptrice de la traduction et correspondant aux horizons d'attente de celui-ci* [11] – «заставить понять – значит создать **новый** текст, текст на языке получателя перевода, обеспечивающий его абсолютное смысловое понимание получателем» (перевод наш. – А.К.).

Заметим, что идеи субъективности, творчества и индивидуальности переводчика не исчерпываются вышеприведенными цитатами франкоязычных исследователей. Наоборот, зарубежные лингвисты все чаще и чаще выбирают объектом своих исследований проблему субъективного/объективного,

стереотипного/творческого и т.п. как в общих переводческих вопросах, так и в отдельных типах дискурса, в том числе юридического.

Подытоживая, подчеркнем, что проблема классификации юридических и правовых текстов имеет как лингвистический, так и переводческий аспекты, что требует изучения различных подходов к их анализу, расширения и уточнения понятийно-категориального аппарата, а также апробации на материале корпуса текстов, принадлежащих к русскоязычному, англоязычному, франкоязычному юридическому дискурсу. Особого внимания заслуживает проблема личности переводчика, выступающего полноправным субъектом юридического дискурса, определяющим, в конечном счете, степень востребованности текста перевода в принимающей культуре и характер межличностного, межъязыкового, межкультурного взаимодействия коммуникантов, принадлежащих различным лингвокультурам.

Список литературы

1. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы / отв. ред. Н.Д. Голев, В.Д. Мансурова, Н.Б. Лебедева [и др.]. – Барнаул, 1999. – С. 11–58.

2. Поляков А.В. Источник права как текст: проблемы теории [Электронный ресурс]. – URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1139769> (дата обращения: 07.02.2015).

3. Кравченко С.С. Проблемы интерпретации правовых текстов в судебной практике на примере теории правового прагматизма [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.jurnal.org/articles/2013/uri152.html> (дата обращения: 08.02.2015).

4. Костина Н.Н. Репрезентация понятия «права человека» в правовом дискурсе (на материале англоязычных правовых терминов-аббревиатур) // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 75. – 2013. – № 4(295). – С. 55–59.

5. Кравченко С.С. Теории интерпретации правовых текстов в американской философии правового прагматизма // Академический юридический журнал. – Иркутск: Изд-во фонда «Право и Демократия», 2013. – С. 4–9.

6. Малинова И.П. Юридическая герменевтика и правопонимание [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.studmed.ru/docs/document46938/cc1?page=2> (дата обращения: 08.02.2015).

7. Politis M., Canellopoulou-Botti M. Le sort des référents pragmatologiques dans le texte d'arrivée en traduction juridique [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tradulex.com/Actes2000/Politis.pdf> (дата обращения: 07.02.2015).

8. Bocquet C. La traduction juridique: fondement et methode. – Bruxelles: De Boeck. Brand, Oliver coll. Traducto, 2008. – 122 p.

9. Monjean-Decaudi S. Approche juridique de la traduction de droit [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tradonline.fr/blog/wp-content/uploads/2010/01/sylvie-monjean-decaudin-traduction-juridique-2010.pdf> (дата обращения: 07.02.2015).

10. Nasufi E., Gishti E. Quelques obstacles à la traduction des textes de droit // Atelier de traduction Dossier: La traduction caduque, retraduction et context culturel (en diachronie)/ Muguraş Constantinescu. – Suceava: Editura Universităţii, 2001. – № 15. – P. 145–156.

11. Skibińska E. La retraduction, manifestation de la subjectivité du traducteur [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tradulex.com/Actes2000/Politis.pdf> (дата обращения: 09.02.2015).

12. Серова Т.С. Психология перевода как сложного вида иноязычной речевой деятельности / Перм. гос. техн. ун-т. – Пермь, 2001. – 211 с.

Получено 11.02.2015

A.I. Krivorutchko

TO THE QUESTION OF LEGAL TEXTS CLASSIFICATION IN THE TRANSLATING PERSPECTIVE

The article is devoted to the problems of legal and law texts interpretation and classifications, corresponding works of the Russian and foreign scientists are studied. An attempt to examine translating problems in a legal discourse from the perspective of the translator's individual subjectivity is made. The term "creativity vector" is introduced.

Keywords: *legal and law texts, interpretation, legal translating, subjectivity, creativity.*